

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ ПО НОРМАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИСАВРИЙСКОГО ПЕРИОДА

Леонтий ДЯЧУК,

докторант юридического факультета
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

The article examines the legal rules of Eclogue – legislative collection of Byzantine emperors of Isaurian dynasty dedicated to property relations and the rights of spouses during marriage and after its termination. Great importance is given to formal and legal aspects of written contracts and legal norms governing marital relations in the context of the known types of the family property, as well as their legal effect, arising from the marriage and performance of property legal obligations. The degree of influence of Justinian legislation and legal changes of property relations of spouses are analyzed and considered as the material basis of a post-patriarchal Christian family.

Key words: Isaurian era, Public conditions, law, marriage, contract, property, dowry, premarital gift, Christian family.

Аннотация

В статье исследуются правовые нормы Эклоги – законодательного сборника византийских императоров Исаврийской династии об имущественных отношениях и правах супругов в браке и после его прекращения. Большое значение при этом имеют формально-правовые аспекты письменных договоров и норм законов, регулирующих супружеские отношения в контексте известных видов семейного имущества, а также их правовой эффект, возникающий в связи с браком и выполнением имущественных юридических обязательств. Анализируется степень влияния законодательства Юстиниана и нормативно-правовые изменения имущественных отношений супругов, рассматриваемых в качестве материальной основы постпатриархальной христианской семьи.

Ключевые слова: исаврийская эпоха, общественные условия, право, брак, договор, имущество, приданое, предбрачный дар, христианская семья.

Значение и влияние разных правовых явлений зависит от того, какую роль они сыграли на определенном этапе истории и насколько отвечали ожиданиям изучаемого социума. Их всемирно-историческое значение определяется эффективными юридическими возможностями, наработанными временем, когда опыт правового регулирования приобретает универсальные черты и влияет на правовую эволюцию разных народов мира. Историческое значение, уникальность и актуальность исследования греко-римской (византийской) правовой традиции заключается в том, что впервые в истории правовых систем ценностной основой права стала христианская религия. Это, по существу, определило тенденции развития правовых систем народов христианской ойкумены.

Генезис византийской правовой системы начался с христианизации институтов и норм римского классического права [1, с. 161-180]. Прежде всего процесс христианизации с начала IV в. охватывает институты и нормы брака и семьи, выражаясь в предоставлении им *Christianorum content* (lat.). Приобретение нормами брачного права христианского содержания, в условиях агональных отношений античной и христианской культур, осуществлялось

неравномерно, противоречиво и неоднозначно. Только лишь в VIII в., после важнейших общественных изменений (*богословско-канонических, демографических, социально-экономических, административно-территориальных, и, главное, ментальных*), христианское брачное право, как отмечает Карл Цехариа фон Лингенталь, впервые было создано императорами Исаврийской династии (Bilderstürmer) [2, с. 57].

Не случайно исследователи истории и права Византии во второй половине XIX в. обратили внимание на необычные для раннего средневековья юридические феномены, отраженные в Эклоге и других сборниках этой эпохи (К. Папарригопуло [3 с. 205-206], В. Васильевский [4, с. 139-235], Г. Финлей [5, с. 27-34]). В связи с этим греческий ученый К. Папарригопуло отмечает, что Византия середины VIII века в контексте «*des idées liberales*» (franc.) опередила Европу более чем на тысячелетие в отношении юридического равенства населения империи перед судом и законом [3, с.206]. Все эти феноменальные и неведомые явления вызвали большой интеллектуальный резонанс: появляются первые критические издания Эклоги (Karl Zachariae von Lingenthal 1837 и 1852 гг.) [6, с. 3-52]; греческий средневековый текст Эклоги

переводится, с научными комментариями, на современные европейские языки [7, с. 22]; публикуются ее первые критические исследования (В. Васильевский [4], Ф. Дипуи [8] Д. Спулберг [9]).

Брачно-семейное право Эклоги исследуется как в общих курсах истории византийского права (К.Е. Zachariae von Lingenthal [2, с. 89-92], L. Mitteis [10], J. Lokin [11]), так и в специальных юридических публикациях (Д. Мпосдас [12] и Н. Мацес [13]). Однако имущественные правоотношения супругов от создателей Эклоги, за редким исключением (см: Гуляев о предбрачном даре [14, с. 126-134]), не стали предметом специальных историко-правовых исследований.

Таким образом, общее состояние научного изучения данной проблематики является существенным основанием определения актуальности, цели и задач данной статьи. Главная цель исследования заключается в определении традиционности и новизны правовых положений Эклоги, в контексте анализа норм, регулирующих имущественные правоотношения и права супругов в браке и после его прекращения. Основным источником исследования являются нормы 2-го и 3-го титулов Эклоги, при использовании двух ее критических изданий: 1-й вариант Эклоги перевела с

греческого издания А. Монферрата на русский язык и опубликовала с комментариями Елены Липшиц [7]; 2-е, более новое, критическое издание на языке оригинала и с немецким переводом опубликовал Людвиг Бургманн [15].

Специфика **теоретико-методологических средств** в процессе научного познания определяется особенностями объекта юридического исследования. Начиная с анализа объекта исследования с позиций догмы и системы права, необходимо обратить внимание на специфику регулятивных механизмов и юридической техники Эклоги. Но, поскольку каждая правовая норма, как правило, возникает в контексте определенной системы ценностей и общественных отношений, а также является результатом исторической эволюции или революционных изменений, необходимо использовать методы таких научных юридических направлений как социология и философия права. Это особенно важно в контексте ценностных различий и юридическо-технической связей римского и византийского права.

Так, в отличие от римского права, от Ромула до Юстиниана, все имущественные отношения в «исаврийский период», как правило, регулировались письменными договорами (Ecloga, 2.1.4). В кодексе Юстиниана заключение таких соглашений предусматривалось лишь для высших чиновников (С. 5.4.22). Эклога, как исключение, допускала так называемый «незаписанный брак», возлагающий также на его субъектов определенные юридические обязательства и предполагающий гарантированные законом имущественные права (Ecl., 2.1; 2.9). Оформление брака, по Эклоге, предусматривало два встречных и равносильных договора по поводу приданого (dos) и один от мужа (donatio ante nuptia) в пользу жены. При этом использовался диспозитивный метод правового регулирования: добрачный дар мужа не должен обязательно быть равным dos жены (Ecl 2.4). Таким образом, в имущественных правах супругов фиксируется элемент свободы выбора.

Приданое, как и в законодательстве Юстиниана (*две конституции Александра Севера – С. 5.15.1-2 и конституция Юстиниана – С. 5.15.3, вошедшие в его Кодекс*), также имело в контексте достижения эффекта определенную диспозитивность и не обязательно переда-

валось в момент заключения договора (Ecl. 3.1). Римское право в этой связи имело три разновидности dos: dotis datio (предоставленное приданое), dotis dictio (обещанное) и dotis promissio (обязательство предоставить приданое, например, путем завещание и т.д.) [16, с. 300]. По конституции Юстиниана, если муж после двух лет брака не получил обещанное приданое, то он или его наследники получали право на иск об его передаче в течение одного года с момента смерти жены (С. 5.15.3). Но уже Новелла Юстиниана от 539 г. констатировала, что, не получив приданое в течение 2-х лет, муж, или его наследники, имели право на иск на протяжении одного года, а если брак длился от 2 до 10 лет, то лишь в течение 3-х месяцев (пер. Е. Липшиц) (Nov. 100.1) [7, с. 123].

Правовым источником 3-го титула Эклоги, в котором систематизированы правовые нормы «об обещанном, но не переданном приданом», Е. Липшиц небезосновательно считает «более раннее законодательство византийских императоров» [7, с. 121].

Однако обратимся к первоисточнику, то есть к содержанию 1-й главы 3-го титула Эклоги, где эти правоотношения регулируются следующим образом: 1) лицо, достигшее 25-летнего возраста и заключившее соответствующий договор, получает по закону право на иск о взыскании dos в течение 5 лет после заключения брака; 2) право на иск не имеет эффекта, если родители жены фактически не владели материальными средствами для выполнения договорного обязательства о приданом; 3) если муж не проявил волеизъявления к получению приданого в законный срок, то после его окончания дотальный иск не имел юридической силы; 4) несовершеннолетний муж согласно закону приобретает право на иск о предоставлении ему dos в течение еще 5-ти лет, но по достижении 25-летнего возраста; 5) в контексте обоих гипотез, правовые нормы Эклоги предусматривают соответствующие санкции: а) в обоих случаях после 5-летнего срока муж теряет законные гарантии на право требования dos; б) отсутствие приданого независимо от субъективных или объективных причин, не лишает его материальных обязательств по отношению к жене в соответствии с брачным договором (например, о donatio ante nuptia) (Ecl. 3.1). Все несоответствия норм Эклоги

законодательству Юстиниана (*иные сроки; отсутствие пра-ва наследников на иск о dos; возможность востребовать обещанное приданое, если родители девушки располагают состоянием*) (Ecl. 3.1), с точки зрения Е. Липшиц, являются результатом влияния «некоторых обычаев своего времени» [7, с. 121,123]. М. Бенеманский в своем исследовании облакает эти обычно-правовые явления в категорию «*jus non scriptum*» [17, с. 88], Л. Миттайс (*Ludwig Mitteis*) объясняет это имплементацией институтов и норм греческой традиционной системы [10], а Л. Бургманн видит причины новизны в Эклоге в контексте правового принципа из ее praefatio: об «исправлении (норм) в сторону большего человеколюбия (φιλανθρωπία)» (Ecl. praefat.) [15, 6-7]. На наш взгляд, в определении источников правовых изменений в Эклоге необходимо учитывать в каждом отдельном случае логику мышления законодателей, их представление о *должном*, определявшее значение в кодификации избранных *норм*, наиболее полно отражавших общественную необходимость и соответствующих критериям христианских ценностей.

Источником 5-летнего срока на взыскание приданого по Эклоге (3.1) является та же Новелла Юстиниана (539 г.). Именно норма 2-го титула этой Новеллы, в отличие от норм 1-го (см. выше), предусматривает право несовершеннолетнего (minorum) мужа на истребование обещанного dos в течение 5-ти (quinquennium) лет по достижению им 25-летнего возраста (Nov. 100.2). Эта норма был имплементирован в Эклоге, чтобы создать благоприятные условия для реализации иска о приданом несовершеннолетнего мужа (*время до 25 лет и 5 лет после*), но за принципом справедливости и гуманизма, его распространили на право совершеннолетнего мужа, начиная отсчет 5 лет от заключения брака (Ecl. 3.1).

В связи с отсутствием в нормах 3-го титула Эклоги упоминания о наследниках (о чем говорит Е. Липшиц (ibid.)), как субъектах требования dos, необходимо заметить, что наследниками по закону первой очереди мужа или жены по Эклоге (= Nov. 118.1) были исключительно их дети и внуки (Ecl.6.1). В связи с этим, законодатель предусмотрел возможность гарантировать им «потенциальное» право на брачное имущество родителей (Ecl.

2.7, 8, 11, 12). В то же время норма Юстиниана о правах наследников на возмещение *dos* (Nov. 100) противоречит духу и букве системы норм брачно-имущественных отношений Эклоги. В связи с чем, законодатель, вероятно, считал, что доминантой при решении таких проблем должна быть христианская семья. Поскольку со смертью мужа все имущество переходило в управление вдовы, имевшей общих детей (Ecl. 2.6), то за аналогией закона, если 5-летний срок еще не истек, именно она должна получить право на возмещение обещанного приданого (*но очевидно, в контексте bona fide*). Таким образом, имущественные отношения супругов фактически подтверждают, что патриархальная семья в это время «канула в лету», а христианская семья, за Эклогой, состояла из родителей и детей. Такая ее концепция вполне соответствовала положениям божественного идеала *христианскїѣ оикоуѣнїа* (*христианской семьи*) (Мф. 19,5).

Только тогда, когда в семье не было детей, $\frac{3}{4}$ имущества умершего из супругов переходило в собственность их ближайших наследников. Очевидно, бездетный союз супругов не воспринимался творцами Эклоги как полноценная семья, и потому вдова сохраняла за собой в режиме собственности приданое и $\frac{1}{4}$ часть добрачного дара, а вдовец аналогично, сохраняя *donation ante nuptial*, получал в собственность лишь $\frac{1}{4}$ часть *dos* (Ecl. 2.5). Остальная часть *proprietatis matrimonialis* – $\frac{3}{4}$ *donation ante nuptias* умершего сына или $\frac{3}{4}$ *dos* дочери – отходила наследникам по завещанию, а при их отсутствии – ближайшим наследникам по закону, то есть, при отсутствии детей, родителям покойного из супругов (Ecl. 2.5; 6.2). Вместе с тем женщина, виновная в нарушении траурной традиции, теряла права на брачное имущество мужа, сохраняя за собой только личное имущество (*parapherna* и др.) (Ecl. 2. 11). Такие же ограничения, но при втором браке, касались и мужа (*ibid*). В каждом случае при указанных обстоятельствах основная часть или всё брачное имущество возвращалось в семью родителей.

Существенно изменяется модель имущественных правоотношений супругов при наличии законных детей. Прежде всего это касается имущественного права жены. Если после смерти мужа вдова осталась вместе с детьми, то она приобретала законное право и одновременно

обязанность на нераздельное управление всем достоянием семьи (Ecl.2.6). Попутно напомним, что со времён архаического Рима жена после смерти мужа теряла статус *mater familia* [18, с. 5]. В Эклоге же предусмотрено, что вдова, мать общих несовершенно-летних детей, при указанных выше условиях и обстоятельствах, впервые за долготлетнюю эволюцию римского права, сохраняла статус *mater familia*, но фактически приобретала права главы семейства. Такая юридическая модель в значительной степени соответствовала идее, заложенной в определении христианского брака (D. 23.2.1).

В случае, когда мать малолетних детей выходила вторично замуж, не нарушив траурной традиции, закон предусматривал по отношению к ее обязательствам определенную диспозитивность: мать обязана была предоставить детям опекуна (как по Юстиниану) или же своим имуществом, а при необходимости имуществом второго мужа, обеспечить им возврат отцовского имущества (Ecl. 2.9). За ней же остается *dos* и его прирост (Ecl. 2.11). В любом случае, женщина, вступившая в повторный брак, теряла известные имущественные выгоды и преимущества. Опираясь на христианские максимы, творцы Эклоги пытались убедить вдов-матерей не только юридическими, но и моральными нормами в необходимости богоугодных действий по сохранению и почитанию дома мужа, отца своих детей (Ecl. 2.8).

После смерти жены, при наличии детей, муж владел такими же правами, как и жена при смерти мужа: приданое и другое ее имущество (*parapherna*) было в его управлении (Ecl. 2.7,11) и являлось потенциальной собственностью их общих детей (Ecl. 2.8).

Кроме того, каждый переживший другого супруга, в условиях выхода из семьи совершеннолетних детей, сохраняя за собой *dos* (жена) или добрачный дар (муж), получает часть имущества умершего супруга в объеме, «что приходится на каждого ребенка» (Ecl. 2.8). Таким образом, движение известного имущества супругов в контексте соответствующих правовых механизмов Эклоги наиболее полно, в течение всей истории византийского права, отвечало христианским ценностям и концепции христианской семьи.

В качестве **выводов**, в контексте анализа регулятивных механизмов имуще-

ственных отношений супругов, необходимо отметить, что: 1) брак, по Эклоге, заключающийся, как правило, в письменной форме, – это союз мужа и жены, которые пользовались равными, за исключением упомянутых юридических случаев, имущественными правами; 2) вдова, очевидно, впервые в мировой истории, после смерти мужа имела возможность стать главой семейства до совершеннолетия общих детей; 3) движение брачного имущества в контексте правоотношений супругов имело зеркальный характер. В случае смерти одного из супругов право другого распространялось как на традиционные виды имущества, так и, в отличие от прежнего законодательства, на четвертую часть с имущества другого супруга; 4) право одного супруга на законную часть имущества другого усиливало их ответственность за все виды семейного имущества, что выражало идею равенства супругов в его распоряжении в известных условиях, а также тенденцию к полной общности семейного достояния; 5) важнейшим фактором определения имущественных прав супругов является наличие общих детей, потенциальных собственников брачного имущества родителей; 6) такова конструкция имущественных отношений стала материальным основанием новой, пост-патриархальной семьи, развивающейся на основании христианской парадигмы; 7) регулятивные свойства брачных имущественных норм Эклоги на христианских ценностных основаниях оказались ближе по духу и правовому содержанию к посттрадиционной правовой культуре эпохи модернизации известных сфер общественной жизни (XIX ст.), чем предыдущий правовой опыт европейского сообщества нового времени.

Список использованной литературы:

1. Рудоквас А.Д. О христианизации римского права в эпоху императора Константина Великого // Древнее право. *Ivs antiquvm*. – М. : Спарк, 2002, № 1(9). – С. 161-180.
2. Zachariae von Lingenthal K.E. *Geschichte des griechlich-romischen Rechts*. – Aalen, 1955. – 422 p.
3. Paparrigopulo, K. *Histoire de la civilization hellénique*. Paris, Hachette, 1878. – 470 p.

3. Васильевский В.Г. Законодательство иконоборцев // Труды В.Г. Васильевского. Т. IV. – Л., 1930. – С. 139-235.

5. Finlay G. A. History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time B.C. 146 to A.D. 1864. Vol. II Oxford, Clarendon press, 1877. – 439 p.

6. Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basilli Leonis et Alexandri. Edidi Carolus Eduardus Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, Barthii, 1852. – 235 p. [Ecloga, p. 3-52].

7. Эклога: византийский законодательный свод VIII века (пер. Е.Э Липшиц, 1965). Византийская Книга Эпарха / подгот. текста А. И. Цепков. – Рязань : Александрия, 2006. – 591 с.

8. Dupouy. F. Le droit civil romain d'après l'Ecloga / par François Dupouy. – Bordeaux : Impr. Y. Cadoret, 1902. – [3] 221 p.

9. Spulber C.A. L'Eclogue des Isauriens. Gernautzi: Librairie Mühlendorf, 1929. – 188 p.

10. Mitteis L. Reichsrecht und Volksrecht in ostlichen Provinzen des römischen Keiserrechts. – Leipzig, B. G. Teubner, 1891. – 560 p.

11. Lokin J. H. A. Historiae iuris graeco-romani delineation. – Groningen : Egbert Forsten, 1985. – 139 p.

12. Μπόσδας, Δημήτριος. Μελέτη ιστορίας του δικαίου περί του γάμου: Συμβολή εις την μελέτην του γάμου κατά την Εκλογήν των Ισαύρων. – Αθήναι, 1937.

13. Matses N. P. Αναλεκτα εκ Της Εκλογης των Ισαυρων // Ελετηρίς Εταιρείας Βυζαντινών Σπουδών. Vol. 28. 1958. – σ.σ. 264-285.

14. Гуляев А. Предбрачный дар в римском праве и в памятниках византийского законодательства: Исследование. – Дерпт: Тип. Шнакенбург, 1891. – 145 с.

15. [Burgmann L.] Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos V. / Hrsg. von L. Burgmann. – Frankfurt am Main, 1983, XVII+282 p.

16. Дождев Д.В. Римское частное право. – М. : Изд. группа ИНФРА М – НОРМА, 1997. – 704 с.

17. Бенеманский М. Прохирон. Вып. I. – Сергеев Посад, Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1906. – 556 с.

18. Майорова Н.Г. Семья в Риме VII – нач. VI в. до н. э. Межвузовский сборник научных статей «Античность Европы». Пермский ун-т, 1992. – С. 3-8.

ИЗБРАНИЕ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ (РОЗЫСКНЫХ) ДЕЙСТВИЙ С УЧЕТОМ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ

Сергей ЕСЬКОВ,

кандидат юридических наук, доцент, ученый секретарь секретариата Ученого совета Луганского государственного университета внутренних дел имени Э. А. Дидоренко

Александр ЗАЕЦ,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры экономической безопасности Луганского государственного университета внутренних дел имени Э. А. Дидоренко

Summary

The article is devoted the study of features of personality suspected of feasant of offences in the field of insurance, and also to the features making decision about the lead through of secret consequence (search) actions to this category of persons. Concluded intelligence superiority and greater efficiency «contactless» secret consequence (search) of action. The features of conduct of personality of offenders are examined in the field of insurance: their level is education, manner of conduct, moral-business qualities and psychological state.

Key words: secret consequence (search) actions, criminal offence, description of personality of insure, insurance, insurer.

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей личности подозреваемого в совершении правонарушений в сфере страхования, а также особенностям принятия решений об избрании и проведении негласных следственных (розыскных) действий к данной категории лиц. Сделан вывод о разведывательном преимуществе и большей эффективности «бесконтактных» негласных следственных (розыскных) действий. Также рассматриваются особенности поведения личности правонарушителей во время подготовки и совершения преступлений в сфере страхования: их уровень образования, манера поведения, морально-деловые качества, психологическое состояние, мотивы и поводы совершения преступления, длительность преступной деятельности, трудовой стаж, уровень материального обеспечения, смягчающие вину обстоятельства, цели, на которые расходовались денежные средства, и др.

Ключевые слова: негласные следственные (розыскные) действия, уголовное правонарушение, характеристика личности страхователя, страхование, страховщик.

Постановка проблемы. Одним из перспективных направлений исследований не только в сугубо теоретическом, но и в практическом аспекте представляется освещение тех уникальных условий, факторов и обстоятельств, характеризующих лиц, которые подозреваются в совершении правонарушений в сфере страхования, которые позволили бы подтвердить или опровергнуть главную идею, положенную в основу предложенной работы, а именно – о специфичности указанных лиц и необходимости учета этой специфики при принятии решения о проведении негласных следственных (розыскных) действий. Несомненно, в некоторой степени практика проведения негласных следственных (розыскных) действий относительно указан-

ной категории подозреваемых будет совпадать с аналогичной практикой в отношении подозреваемых в совершении иных преступлений, однако не исключены и некоторые особенности, порожденные своеобразием личности подозреваемого в совершении правонарушений в сфере страхования. Игнорирование этих нюансов, по нашему мнению, может спровоцировать ошибки в анализе следственных ситуаций, привести к ошибочным решениям и избранию неправильных тактических приемов.

Актуальность темы. Не ставя целью критически оценивать общие тактические рекомендации противодействия противоправной деятельности в сфере страхования, которые уже неоднократно рассмотрены в литературе,